IX 1980

8 6 1

ТУ-19-241-77

5

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—016

Юрий КОВАЛЬ
Случай в тайге
художник
Юрий ЦАРЁВ

Всё лето геологи искали в тайге алмазную трубку. Но не нашли. Трубка пряталась от них в каменных россыпях, под корнями деревьев.

Пришла осень. Начались дожди. Геологи стали собираться домой.

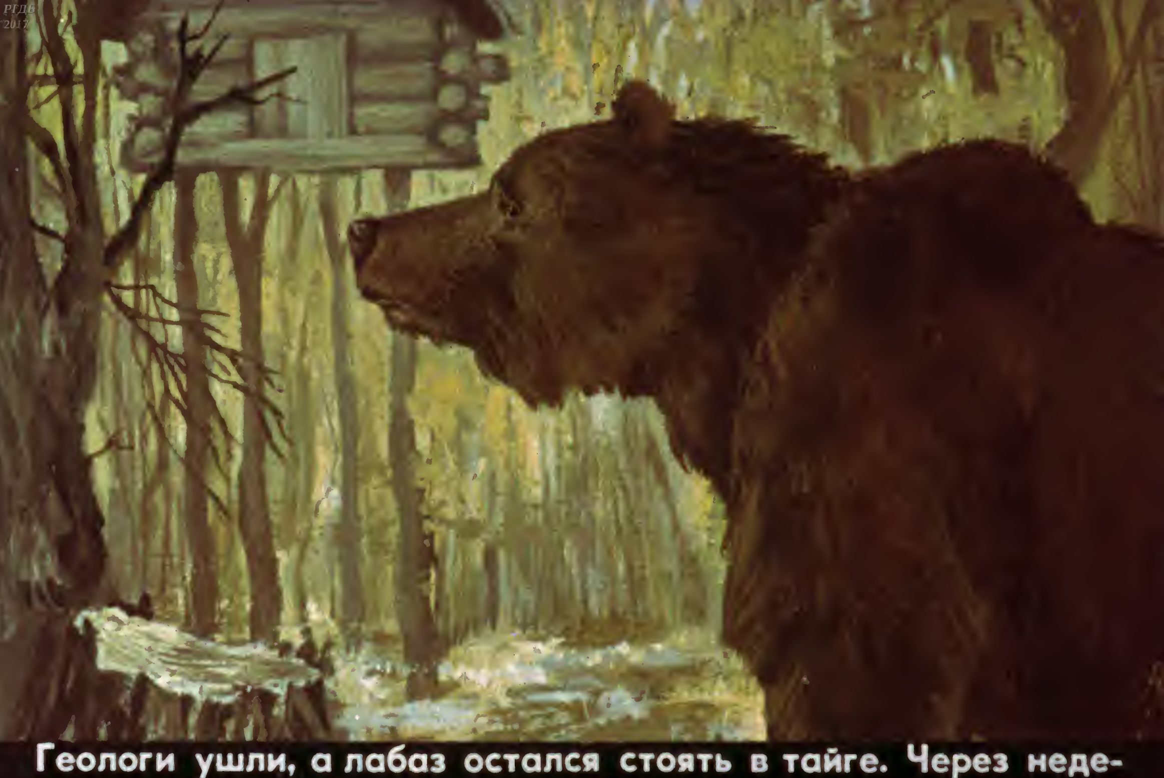
Перед отъездом к начальнику партии пришёл завхоз.— «Остались продукты,—сказал он.—Сто банок сгущёнки, три пуда муки, мешок компота и ящик масла. Куда всё это девать?»—«Надо поставить лабаз»,—решил начальник.

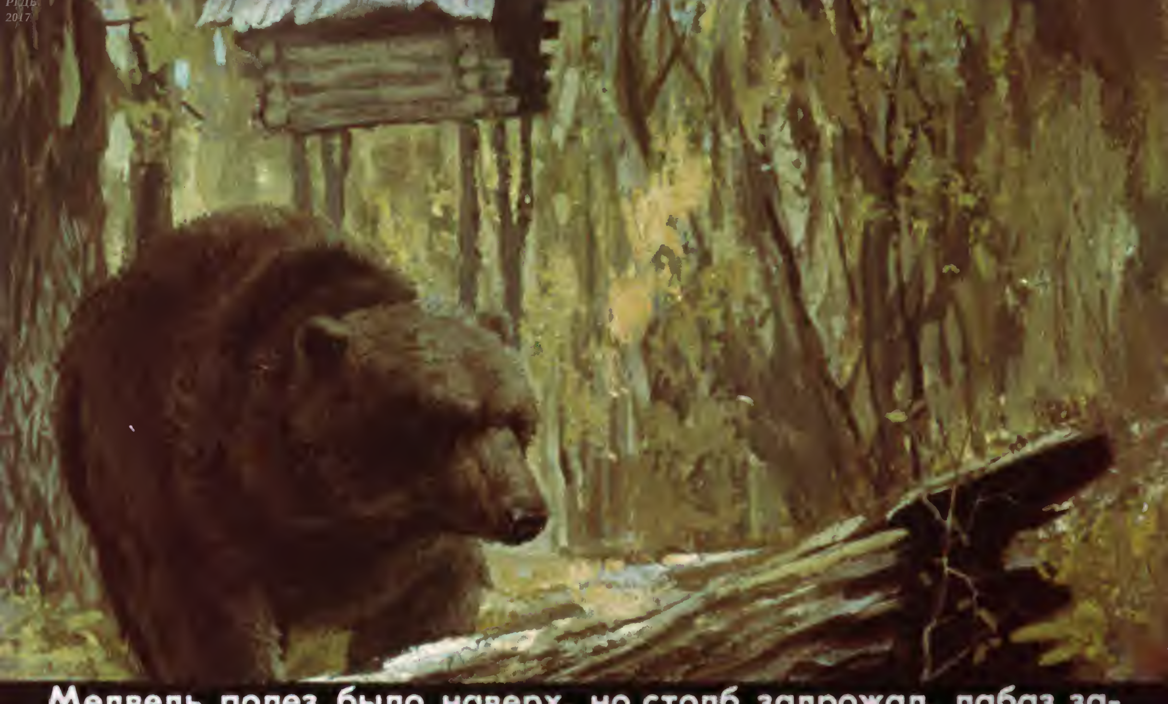
Геологи взяли топоры да пилы и за три дня срубили в тайге лабаз: небольшую избушку на четырёх высоких столбах. Столбы выбрали с таким расчётом, чтобы медведь не мог по ним залезть.

По приставной лестнице наверх подняли продукты, а лестницу потом убрали в кусты. А то медведь догадается, возьмёт да сам и приставит лестницу.

Геологи ушли, а лабаз остался стоять в тайге. Через неделю пришёл к лабазу медведь. Он искал место для берлоги, глядь—лабаз.

Медведь полез было наверх, но столб задрожал, лабаз заскрипел. Медведь напугался, что лабаз рухнет и придавит его. Он сполз вниз и побрёл дальше. Лестницу он, видно, не нашёл.

Скоро в тайге начались снегопады. На крыше лабаза наросла пушная шапка, а ноги его утонули в снегу по колено. Теперь-то по плотному снегу можно бы добраться до двери лабаза, да медведь уже спал.

Приходила росомаха, но не догадалась, как открыть дверь. Полазила по столбам, посидела на крыше под холодным зимним солнцем, ушла.

А в конце марта проснулись бурундуки, проделали в крыше дырку и всю весну жевали компот — сушёные яблоки, груши и чернослив.

Весной вернулись геологи. — «Как там наш лабаз-то?» — беспокоился завхоз. — «Стоит небось», — отвечал ему Пронька, молодой парень, который тоже рубил этот лабаз. — «Ты сходи-ка проверь. Да принеси сгущёнки, а то ребята просят».

Пронька взял мешок и ружьё и на другой день утром пошёл к лабазу. Он шёл и посвистывал в костяной пищик— дразнил весенних рябчиков.

На тропе он вдруг увидел нарты, запряжённые тремя оленями. На нартах сидел человек в оленьей шубе, расшитой узорами. Это был оленевод Коля, по национальности манси. — «Здравствуй, Коля-манси!» — «Здравствуй, Прокопий». — «Подвези-ка меня немного».

Коля взял в руки длинный шест—хорей, взмахнул, и олени тронулись. Они бежали быстро. Нарты скользили по весенней грязи легко, будто по снегу. Скоро добрались до речки Чурол.

— «Надо остановку делать, — сказал Коля. — Чай надо пить. У оленя голова болит». — «А чего она болит-то?» — не понял Пронька. Коля подумал, пососал трубку и сказал: «Рога растут».

Из мешка, стоящего в нартах, Пронька взял пригоршню соли и пошёл к оленям. Олени стали слизывать с ладони соль. Они были ещё безроги, по-зимнему белоснежны. Только у вожака появились молодые весенние рога.— «Не у него ли голова болит?» — подумал Пронька.

Они пили чай долго и вдумчиво. Коля молчал и только кивал иногда на оленей, приставлял палец ко лбу. — «Рога растут!» — серьёзно говорил он. — «Дело важное, — соглашался Пронька. — Сейчас весна — всё кругом растёт».

Наконец Пронька попрощался с Колей и пошёл к лабазу. Из-за стволов увидел он свой лабаз, и тут в груди его стало холодно, а в голове—горячо.

На корявых еловых ногах высился лабаз над поляной, а под ним стоял горбатый бурый медведь. Передними лапами он держался за столб.

Ничего не соображая, Пронька скинул с плеча ружьё и прицелился в круглую булыжную башку. Хотел уж нажать курок, но подумал: «А вдруг промажу?»

Медведь зарычал и трясанул столб лапой. В раскрытой двери лабаза что-то зашевелилось, и оттуда сам собою стал вылезать мешок муки.— «Мешок ползёт!» — ошеломлённо думал Пронька.

Мешок перевалился через порожек лабаза и тяжко шмякнулся вниз. Когтем продрал медведь в мешке дырку, поднял его и стал вытряхивать муку себе на голову.

А наверху в лабазе по-прежнему что-то шевелилось и хрустело. Из двери высунулась вдруг какая-то рука в лохматой варежке и кинула вниз банку сгущёнки.

Медведь подхватил банку, поднял её над головой и крепко сдавил. Жестяная банка лопнула. Из неё сладким медленным языком потекло сгущённое молоко.

Сверху вылетели ещё две банки, а потом из двери лабаза выглянула какая-то небольшая рожа, совершенно измазанная в сливочном масле.—«Медвежонок!—понял Пронька.— А эта внизу—мамаша!»

Медвежонок спустился вниз и тоже схватил банку сгущёнки.
Он сжал её лапами, но, как ни пыжился, не мог раздавить.

Медведица отняла у него банку, раздавила и отдала обратно. Медвежонок негромко заурчал, облизывая сплющенную банку, как леденец.

Подождав немного, медведица рявкнула и лёгкими шлепками погнала медвежонка наверх к лабазу.

И тут Проньке показалось, что медведица оглядывается и смотрит на него исподлобья. Пятясь и приседая, отошёл Пронька на несколько шагов и побежал.

Добежавши до Чурола, Пронька скинул с плеч мешок и ружьё, опустился на колени и стал пить воду прямо из речки.— «Ишь до чего додумалась, сатана,—удивлялся Пронька.—Медвежонка на столб сажает!

Что ж делать-то теперь? В лагерь с пустыми руками идти нехорошо, а к лабазу—страшно».—И тут вдруг пришла ему в голову лихая мысль: попугать медведицу. Пронька поднял ружьё и сразу из двух стволов ударил в воздух.

Не успел ещё заглохнуть выстрел, как Пронька крикнул во всё горло: «Прокопий, ты чего стрелял?» — Помолчал и ответил сам себе басом: «Глухаря грохнул». — «А велик ли глухарь-то?» — «Зда-а-а-ровый, чёрт, килишек на пять».

От крика своего Пронька развеселился, не спеша пошёл к лабазу. Нарочно продирался через кусты и шумел изо всех сил: ломал сучки, стучал сапогом по стволам ёлок и всё время орал. Уже перед самым лабазом Пронька даже запел: «Ромашки сорваны, увяли лютики...».

Размахивая топором, Пронька вывалился на поляну, где стоял лабаз. Ни медведицы, ни медвежонка не было. В раскрытую дверь высунулся разорванный мешок, из которого сочилась струйка муки.

Пронька разыскал в кустах лестницу и полез наверх. Там был полный разгром: мешки разодраны, ящик с маслом расковырян, повсюду валялись банки сгущёнки, сушёные яблоки, груши и чернослив.

Пронька слез на землю, поднял сплющенную банку сгущёнки. Медведица так сдавила её, что банка превратилась в жестяной блин.

Пронька устал. От криков и от пения у него драло в горле, почему-то разболелась голова.— «Надо остановку делать,— сказал Пронька.— Чай надо пить, а то голова чего-то болит... И чего она болит-то? Рога что ли растут?»

Конец

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ИВАНОВ

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1975 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Д-014-76
Цветной 0-30